

— Чему ты смеёшься?! — Хо Тайлин, который в последние дни плохо спал, был раздражён, а человек, который не давал ему спокойно отдыхать, был этот улыбающийся мужчина в синей одежде.

Фан Шу сказал:

— Ты неправильно держишь кисть.

Он подошёл и взял руку Хо Тайлина:

— Дай я покажу тебе, как правильно!

В последние дни Фан Шу всё больше наслаждался ролью старшего брата. Каждый раз, когда Хо Тайлин называл его «братом», он чувствовал себя прекрасно. Главное, что этот наглец больше не вёл себя так высокомерно, а скорее напоминал приручённого кота, и это чувство достижения немного вскружило Фан Шу голову, словно он парил в облаках.

Хо Тайлин замер. Фан Шу стоял так близко, что его волосы касались кончика его носа, вызывая щекотку в сердце.

— Пять пальцев держат кисть, большой палец поддерживает, указательный и средний обхватывают.

Хо Тайлин был взволнован и, конечно, не слушал ни слова. Его мысли путались, а голова кружилась от запаха Фан Шу, кровь быстрее бежала по венам, и в ушах слегка звенело.

В последние дни раны часто болели, и всё внимание во время сна было сосредоточено на их защите. Теперь, когда раны начали заживать, по ночам стали сниться странные сны. В снах была тёплая ночь, аромат сандалового дерева проникал в кости, тонкая ткань покрывала кожу, он лежал на прохладной циновке, откидывал ткань и видел стройное тело. Внизу было что-то размытое, похожее на яшмовый колокольчик. Когда человек открыл рот, он сказал: «Хороший брат, давай проведём время вместе». Сцены в снах были неясны, но голос Фан Шу звучал очень чётко.

Хо Тайлин просыпался в холодную ночь, покрытый лёгким потом, а рядом человек спал спокойно, в то время как он сам ворочался, чувствуя дискомфорт как в теле, так и в душе.

В последующие ночи сны становились всё более детальными. Сцена была той же, но теперь его тянули на кровать, накрывали его тело, и он не знал, что делать. Каждый раз, просыпаясь, он больше не мог заснуть.

Он должен был признать, что у него были ненормальные фантазии об этом человеке.

Теперь Фан Шу почти прижимался к его уху, его дыхание было тёплым. Очнувшись, Хо Тайлин, словно поражённый током, резко оттолкнул руку Фан Шу.

Хо Тайлин, красный от гнева, сказал:

— Я могу писать, зачем все эти ухищрения?!

Фан Шу был немного озадачен. Секунду назад он был спокоен, а теперь, словно кошка, которой наступили на хвост. Это было проявлением капризов или юношеского характера?

Однако за это время он начал понимать этого человека. Если Хо Тайлин злился, достаточно было улыбнуться и мягко поговорить с ним, и всё проходило. Не стоило сейчас ссориться, иначе всё могло закончиться кровью.

— Тайлин прав, не то что мы, кислые конфуцианцы, которые всё усложняют.

Фан Шу сел за другой низкий столик, налил себе холодной воды, выпил её и вытер уголки рта рукавом.

Все его движения были наполнены мужской энергией, совсем не похожей на женскую мягкость и застенчивость.

— Почему ты на меня смотришь? — Фан Шу оглядел себя. — Я отвлек тебя? Кстати, это письмо для господина Чэня?

Хо Тайлин вдруг насторожился, одной рукой прикрыл письмо, но из-за неправильного держания кисти чернила разбрызгались, испачкав половину его лица.

— Ха-ха! — Фан Шу засмеялся, не в силах сдержаться. Хо Тайлин был похож на ребёнка, пойманного за чем-то запретным. — Чего ты боишься? Ты только начал писать, что я могу увидеть?

Хо Тайлин, видя, как Фан Шу смеётся, а он сам попал в неловкое положение, временно забыл о своих неприличных мыслях и сказал:

— Тебя не учили уважать чужую личную жизнь?!

— Слышать это из уст командующего Стражи в парчовых одеждах Хо Тайлина... всё равно что услышать, как собака говорит, что дерьмо невкусное!

Он запомнил прошлый разговор.

Фан Шу перед посторонними был всегда опрятен и сдержан, словно нефритовый джентльмен, но на самом деле любил говорить непристойности и делать вульгарные жесты, например, когда он увлекался чтением, снимал обувь и носки, проводил пальцами между пальцами ног, затем подносил их к носу, глубоко вдыхал и делал довольное лицо.

У него было много таких привычек, и Хо Тайлин не мог на это смотреть.

Хо Тайлин с серьёзным лицом сказал:

— Не смотри! А то убью!

— Нет... — Фан Шу провёл пальцем по кончику носа, не зная, стоит ли говорить, но всё же сказал:

— Ты с самого начала написал неправильно.

Хо Тайлин внимательно посмотрел на пять иероглифов и спросил:

— Что неправильно?! Не придирайся!

Фан Шу, почувствовав азарт, сказал:

— Из пяти иероглифов два ошибки!

— Какие ошибки?

Фан Шу взял лист и посмотрел:

— «Чэнь Чао Цзюэ Цин Цзянь». Во-первых, ты не должен в письме прямо называть старшего по имени, прозвищу или титулу, нужно написать «господин Чэнь». Во-вторых, «Цин Цзянь» — это то, что старшие говорят младшим. Ты, мальчишка, должен написать что-то вроде «уважаемый Цзянь».

Хо Тайлин тоже был недоволен:

— Я видел, что он всегда пишет «Цин Цзянь»...

— Ты младший, так и должно быть. Вот, брат снова тебя чему-то научил.

Теперь, когда Хо Тайлин слышал слово «брат», оно звучало как слова любовного ухаживания, вызывая чувство греха, и он снова начинал думать о запретном.

Хо Тайлин, словно в отместку, сказал:

— И ещё, что значит «мальчишка»? Хочешь, я покажу тебе?!

Он встал и начал расстёгивать штаны.

— Прекрати, а то подумают, что ты на меня мочишься! — Фан Шу рассердился и тоже встал. —

Ты что, ребёнок?!

Фан Шу считал себя человеком с хорошим характером, но Хо Тайлин всегда легко выводил его из себя. Такой человек на улице либо облит грязью, либо зарезан, так как он вообще дожил до двадцати трёх лет?

— Ты назвал меня ребёнком? Никто ещё так со мной не разговаривал!

Хо Тайлин расстегнул штаны и попытался перешагнуть через низкий столик, чтобы преподать Фан Шу урок, но, сделав шаг, штаны упали, он споткнулся и чуть не упал лицом вниз, но Фан Шу подхватил его.

Это было действительно неловко. Гнев сменился смущением, и Фан Шу сдерживал смех, думая: «Не дай ребёнку слишком смутиться».

Хо Тайлин быстро встал, подтянул штаны и не решался смотреть на Фан Шу.

— Ты же хотел показать, выросли ли волосы? Брат ещё не видел.

Снаружи задул ночной ветер, свет на столе заколебался, чуть не погас, и тени двух людей задвигались. Фан Шу вдруг почувствовал озноб.

— Хватит называть меня братом, надоело!

— Жаль, если бы мой брат был жив, он был бы примерно твоего возраста.

Фан Шу сгорбился и забрался на кровать.

Хо Тайлин тоже замёрз, но не решался лечь, продолжая сидеть у столика.

— У тебя был брат? Это ты его довёл до смерти?

Фан Шу не стал спорить и ответил:

— По сути, это моя вина.

Хо Тайлин почувствовал его печаль и вдруг проявил понимание, сменив тему:

— Что тебе Лю Большой Меч говорил днём?

Затем мысленно добавил: «Зачем мне это? Ему грустно, а мне что с того?»

— Он сказал, что в окрестностях Гуанъяна всё ещё есть японские захватчики, которые не могут изменить своей натуре, убивают и грабят. Завтра я поеду туда. Там рядом море, хотя вдоль берега есть солдаты, всё равно боятся, что они попытаются сбежать.

Фан Шу залез под одеяло, свернувшись в клубок. Одеяло было слишком тонким.

— Надолго?

— Не знаю... Всё зависит от того, как пойдёт... Холодно.

Фан Шу дрожал на кровати.

Хо Тайлин, не глядя на него, продолжал писать письмо. Он был слишком высоким и загораживал свет, отчего Фан Шу становилось ещё холоднее.

— Я поеду с вами.

Фан Шу удивился:

— Эээ?!

Затем задумался, что за планы у этого парня?

— Я почти выздоровел, почти двадцать дней без движения, всё тело деревенеет.

— А, только ты один?

— Да, я отправил Цао Фэнчжи и других к губернатору Ма Гую, здесь сейчас только я.

— И твой ученик...

— Он не мой ученик!

Фан Шу снова забрался под одеяло, руки и ноги были ледяными:

— Ладно, ладно, не кричи... Ты всё ещё не ложишься? У тебя уже тёмные круги под глазами, видно, что энергии не хватает, кровь и ци истощены.

— Ты спи первым... Я допишу письмо.

Так холодно, как Фан Шу мог заснуть. Лучше бы спать в общей постели, где куча мужчин, тесно прижавшись друг к другу, не так холодно.

<http://bllate.org/book/15514/1378208>